

Галина Шляхова

Когда в окнах много света

Отец легонько подтолкнул Ваську в спину, и мальчик сделал несколько нерешительных шагов, укрادкой глянул на стоящих перед ним женщину и маленькую девчонку, опустил голову.

— Чего не здороваясь? Онемел? — хохотнул отец и, распахнув объятия перед женщиной, радостно воскликнул: — А ты чего, Таня, стоишь как неродная? Не соскучилась, что ль?!

Женщина кинулась навстречу:

— Серёженька! — прошептала она и несколько раз чмокнула его в щёку.

Вася искоса посмотрел на отца, поморщился и, отвернувшись в сторону уставился на девчонку. Девчонка тоже с любопытством разглядывала гостя. Мальчишка скорчил ей злую мордочку и показал язык, девочка захныкала и уткнулась в материнский подол.

— Что, Наташенька? — мама ласково коснулась русой головки.

Наташенька указала пальчиком на Ваську.

— А это Васька! — пробасил отец. — Теперь это, Наташа, твой старший брат! — после отец строго посмотрел на мальчишку: — Васька, вот твоя сестра Наташа, а это новая мама Таня. Понял?! — отец аккуратно взял Васю за подбородок и вопросительно поглядел ему в глаза.

Сын часто заморгал и покорно пролепетал:

— Мама Таня...

— Здравствуй, Вася, — радушно поприветствовала мама Таня.

— Ну вот и хорошо! — хлопнул в ладоши отец и скомандовал жизнерадостно: — А теперь раздеваться и обедать!

Он быстро скинул верхнюю одежду, занёс в комнату дорожную сумку, попутно рассказывая о перелёте; мама Таня суетилась у обеденного стола, расставляя посуду и угощение; сестра Наташа, усевшись на кухонный диванчик, наблюдала за Васькой, который нехотя расстёгивал куртку и воровато оглядывал свой новый дом.

Так вышло, что Васька помнил своего отца смутно, родители расстались, когда мальчишке было всего четыре года, отец остался в деревне, а мать, сложив небогатые пожитки, рванула в город в поисках новой жизни. Какое-то время Васька жил у бабушки, где его регулярно навещал

отец, но вскоре мать, необдуманно выскочив в очередной раз замуж, забрала Ваську к себе; с той поры, до прошлой недели, Васька отца и не видел. Жизнь матери с новым мужем не сложилась, уже через год они расстались, потом был другой муж, потом друг дядя Толя, потом друг дядя Женя... Потом Васька даже не старался запоминать имена материнных друзей и подруг, он злился на мать, злился на её календарные и по случаю «праздники», злился на пустые бутылки, окурки, грязь в доме; и все эти годы он мечтал, как однажды за ним приедет его отец, он накажет всех обидчиков, заберёт маму и Ваську и всё будет хорошо! Но сколько Васька ни молился сказочным богам шумными пьяными ночами, добрый герой его мечтаний — отец — так и не приезжал, зато полгода назад появились «злые герои»... Однажды утром в их съёмную «однушку» пришли важные и нарядные тётки из какого-то «злого департамента» и забрали Ваську от матери. Громко рыдала пьяная мать, горько плакал Васька в машине, тихо плакал Васька потом... В приюте было чисто и красиво, вкусно и светло, но одиноко и холодно. Каждую ночь Васька вздрагивал: то ему слышался плачущий голос матери, то мерещился образ доброго спасителя, — но всегда наступало утро, и тётя в белом халате включала свет и громко командовала: «Мальчиши, подьём!» Постепенно Васька стал привыкать к новой обстановке, даже перестал наедаться про запас и прятать куски хлеба за пазуху, привык каждый день мыться, ходить в школу... лишь к одному он привыкнуть не мог: матери не было рядом. Как-то однажды она пришла, стыдливо прятала взгляд, всё причитала и всхлипывала, трясуцимися руками глядя лысую Васькину голову; уходя, она сунула Ваське две карамельки:

— Я скоро тебя заберу, Васька, заберу, мне только на работу устроиться, и всё! Скоро заберу! Клянусь!

И Васька поверил. Но мать больше не приходила, и когда Васькины надежды умерли, а в душе царили отчаянье и пустота, в учебный класс приюта вошла воспитательница.

— Ирина Евгеньевна, — обратилась она к учителю, — я Васю Сухлеева забираю, за ним пришли.

Сердце Васьки рвалось из груди, он вылетел из-за парты, понёсся в приёмный покой вперёд воспитателя и, выскочив из коридора в уютную и просторную комнату, остолбенел: перед ним стоял его ОТЕЦ!

— Ну, здорово, что ли! — засмеялся отец громко.

— Здравствуйте... — пискнул Васька и заплакал.

Отец с аппетитом хрустел солёным огурчиком, Наташа жевала бутерброд с колбасой, а мама Таня, прихлёбывая ароматный кофе, наблюдала за тем, как Васька, разложив локти на стол, сгорбатился над тарелкой и громко хлюпал супом.

— Сядь прямо, Василий, — покачала она головой, — и локти со стола убери, это неприлично... ну и чавкать тоже некультурно...

Отец строго зыркнул на Ваську, мальчик положил ложку и промямлил:

— А можно я больше не буду?

Мама Таня удивлённо подняла бровь:

— Что? Невкусно, что ли?!

Васька потупился.

— Ну? — протянул отец. — Говори как есть...

— Я лук и эти красные штуки не люблю... — выдавил Васька.

Мама Таня недовольно хмыкнула:

— Ну уж извините, деликатесов у нас нет... — она вдохнула, чтоб продолжить язвительное высказывание, но, столкнувшись с настороженным взглядом отца, продолжила спокойно: — Не хочешь есть — не ешь... — и, немного помолчав, добавила: — Бери бутерброды или печенье к чаю...

— Жуй, что на глаз попало! — кивнул ободряюще отец и потрепал Ваську по голове.

— Худющий он невозможно и маленький совсем для пятиклассника... — ополаскивая чашки, вздохнула Татьяна.

— Это да! — кивнул Сергей. — Заморыш совсем...

Он виновато замолчал.

— Ладно, не думай... — махнула полотенцем Татьяна. — Были бы кости — откормим!

— Так там и со школой беда! Чёрт его знает, как он учился... — всплеснул руками Сергей.

— Завтра вместе сходим, устроим, пойдёт, как положено, в пятый класс, а там видно будет... Что теперь сделаешь... раз всё так?..

Сергей кивнул.

— Всё хорошо будет, Серёжа! — ободрила мужа Татьяна.

— Ага... Прямо как камень парень, живинки нет... Видать, совсем я ему чужой... Как оно будет?

— Привыкнет! — уверенно сказала Татьяна. — Уж, поди, лучше, чем в детдоме или у матери-алкашки!

Сергей глубоко вздохнул:

— Ты, Таня, помягче с ним будь... пока обвыкнется... то да сё...

Таня недоуменно посмотрела на мужа.

— А что я?! — возмутилась она. — Это ты к тому, что я про локти сказала? Ну так разве я что-то плохое сделала? Или я что, сюсюкать должна, по-твоему?

— Да не сюсюкать! — вздрогнул Сергей. — Просто дай ему привыкнуть...

— Хорошо... — обиделась Татьяна.

В эту ночь Татьяне совсем не спалось, тревожные мысли не давали покоя... Прежняя жизнь её была несладкой: деспотизм родителей, ранний неудачный брак — как побег из-под родительского гнёта, трёхлетнее одиночество, бессонные ночи у детской кровати и бесконечные упрёки матери... И вот, наконец, казалось, все мучения остались позади: ей встретился Сергей — сильный, серьёзный, работающий. Сергей забрал её с дочерью из ненавистного ей мира, теперь у неё был и дом, и муж, и настоящая семья. Жила Татьяна счастливо уже два года, как тут такое! Пришёл муж как-то с работы: мол, вот, Таня, такие дела — надо сына забирать. «Делать нечего, надо так надо...» — не согласиться с мужем Татьяна не могла, но неясный ревнивый страх поселился в её душе.

— Вот! — сказала Татьяне мать. — Дура ты, Танька, как есть дура! Приволочёт он тебе своего сынка, и будешь ты на их горбатиться, а потом, плешь мне в глаз, вырастет этот ребятишек и будет тебя ненавидеть!

— Ну что, мама, ты говоришь такое? — пыталась спорить Татьяна, но мать не унималась:

— Вот увидишь, Серёжка твой и к Наталье сразу переменится! Кровь — она, известно, гуще воды. Это он сейчас к Наташке как к дочери... Думаешь почему? А потому, что своих детей при нём нет, а теперь узнаешь, когда сына-то своего привезёт!

Татьяна грустно задумалась, а мать, воодушевившись, продолжила:

— Ты его бывшую-то хоть знаешь? А?! Сама посуди, какой опыт у сынка того имеется: пьянки, гульба и прочий срам! Ну и чего он доброго знает? Только пакостное! Вот будешь всякую копейку прятать в собственном доме! А с Наташкой чего сделает? А?!

— Ну ты совсем! — всплеснула руками Татьяна. — Типун тебе на язык!

— Ишь! Машет она мне! — взвилась мать. — Поглядишь — узнаешь!

— Так что я могу? — жалобно простонала Татьяна.

— Как чё?! — возмутилась мать. — Скажи ему: «Никаких!» — и всё! А упрётся — собирайся и уходи!

Татьяна скривилась.

— Ну и бегай перед ними на цырлах! Дура несусветная!

Лёжа рядом с мирно сопящим Сергеем, Татьяна жалела себя: «Как же так? Вот почему я такая невезучая? Видимо, кто-то из прабабок согрешил, что я теперь рассчитываюсь. Только всё устроилось,

только свободно вздохнула, как на тебе, Таня, держи удар и не морщись! И мальчишка-то непрост: набычился, голову вниз, как на врага смотрит исподлобья... А разве я чем-то виновата? И Сергей туда же: „Будь помягче, будь помягче...“ Спрашивается — это как? На задних лапках теперь бегать перед ним, что ли? Не вижу я, чтоб он перед моей Наташкой бегал... ему она наверняка что есть, что нет... Неужто мать правой окажется?!..»

Уже неделю Васька в новой школе, посадили его в пятый класс, но сразу же обнаружилось, что знания у Васьки едва соответствуют третьему... Что делать? Определили Ваську на индивидуальное обучение, ходил он теперь отдельно к опытному учителю на русский язык и математику, а остальные предметы изучал вместе с классом.

— Понимаете, Тамара Васильевна, — розовея, поясняла Татьяна учителю, — он в таких условиях находился... Мягко говоря, неблагополучных... А сейчас надо ситуацию исправлять... Я вас прошу, держите его на контроле, если что — сразу сообщайте. Ну а с учёбой что смогу — сделаю, проконтролирую и прочее... Мамаша его совершенно запустила. Да что про неё говорить? Дикий он совсем, не приучен ни к чему — что там ваша математика... — вздохнула она многозначительно.

— Я вам искренне сочувствую... — ответила учитель. — Сделаем всё, что в наших силах. Трудная вас ждёт работа, но терпение и труд всё перетрут!

— Уж и не говорите... — горько вздохнула Татьяна.

— Сейчас была в школе... — третий раз начала Татьяна, когда суетящийся над ящиком с инструментами муж наконец отыскал нужную отвёртку и поднял-таки на неё взгляд. — В школе, говорю, сейчас была. Говорят, что тёмный лес!

— Ну и?! — Сергей начал прикручивать болтик.

— Что «ну и»?!.. сказали, заниматься надо много, чтоб хоть что-то он смог... — и она строго кашлянула.

— Надо — значит, будем! — тряхнул кудрявым чубом Сергей и снова повернулся к мотору.

Татьяна недоуменно смотрела на мужа: «Гляди каков! Надо — значит, будем! Это кто будет? Это я теперь должна с ним сидеть над учебником, что ли?!»

Сергей оглянулся:

— Тань, ты там пожрать чё-нить собери дня на три-четыре, мы с Витькой порыбачить поедем вниз вечером. Хорошо?

— Надолго? — нахмурилась Татьяна.

— Сказал же: дня на три-четыре. Не успеешь глазом моргнуть! — подмигнул Сергей.

— Ясно... — раздражённо бросила Татьяна и повернула от гаража к дому.

— Ты чего, Танюх, обиделась, что я раньше не сказал? — крикнул вслед Сергей. — Я и сам не знал с утра...

Но Татьяна сделала вид, что не слышит: «Как же так?! — возмущалась она тихо. — Приволок парнишку и ведёт себя, как будто ничего не произошло: то он на работе, то в гараже, теперь вот на рыбалку собрался... А мне теперь его сына воспитывать?!»

— Ну вот смотри, я тебе нарисую! — Татьяна с надрывом в голосе в четвёртый раз принялась объяснять условия задачи, она схватила карандаш и, развернув к себе черновик, нарисовала три прямоугольника. — Вот! Это три дома из задачи...

Васька кивнул.

— А теперь ответь: сколько в каждом доме этажей?

Васька хлопал глазами.

— Ну ты чего? — злилась Татьяна. — Прочитай задачу ещё раз!

Васька медленно начал:

— Строительная бригада сдала в эксплу... эксплуа... экплатацию...

— Эксплуатацию! — строго поправила Татьяна и, понимая, что это слово Ваське непонятно, добавила: — Это значит построили... Итак, строители построили три дома... Вот они! — она ткнула в лист карандашом. — Читай дальше!

Васька с дрожью в голосе продолжил:

— Три пятиэтажных дома, на каждом этаже по шесть квартир...

— Стоп! — скомандовала Татьяна. — Сколько этажей в каждом доме?

Васька вопросительно смотрел на Татьяну.

— Ну как же так?! — всплеснула руками Татьяна. — Читай эти слова! — она ткнула пальцем в учебник.

— Три пятиэтажных дома, на...

— Ну! — Татьяна вытаращила глаза.

Васька часто заморгал.

Татьяна глубоко вздохнула и, собрав остатки спокойствия, хрипло ответила:

— По пять этажей! Дома пятиэтажные — значит, пять этажей... Понял?

Васька послушно кивнул, а Татьяна разделила каждый прямоугольник на пять частей.

— Вот, теперь в этих домиках по пять этажей! Сколько квартир на каждом этаже?

Васька уставился в учебник, он бегал по строкам в тщетной попытке ответить на непонятный ему вопрос, от страха мысли в его голове окончательно запутались, тревога нарастала, ему казалось, если сейчас он не скажет, сколько «чего-то там было», эта «мама Таня» обязательно треснет его по голове...

— Ну что ты умолк? — прошипела Татьяна и потянулась к книге.

Васька вздрогнул и вскинул ручонку над головой. Татьяна испугалась:

— Ты чего?!

Васька опустил руку и посмотрел на Татьяну с полным отчаянием.

— Ладно... — выдохнула Татьяна. — Иди пока мультки, что ли, посмотри, отдохни немножко, попозже позанимаемся... и я передохну... посуду пока вымою...

Васька озарился и тут же вприпрыжку унёсся в гостиную.

«Бог мой! — восклицала про себя Татьяна. — Как его учить-то? Он же туп как дерево! Ну элементарного не понимает... И психика совершенно нарушена, вздрагивает весь, как будто я его бью или кричу на него».

Лёжа в кровати, Васька ворочался; за окном в тусклом свете фонаря кривые ветки черёмухи качались от порывистого ветра, а Ваське чудилось, что это злые духи леса грозят ему своими костлявыми пальцами: «Ах ты, Васька, утащим мы тебя в чашу непролазную, ответишь ты нам за незнание таблицы умножения!» И тут же в тёмном углу мерещилась строгая Тамара Васильевна с мечом грозящим — указкой, а с нею другие злобные создания — учителя школьные, а возглавляла это тёмное войско мама Таня: «Ух! Заучим-замучим мы тебя, Васька!» — «Мама, мама, мамочка...» — тихонько скулил Васька, проваливаясь в сон.

— Мама, а ты меня любишь? — вдруг спросила Наташка.

— Конечно, люблю! — ласково ответила Татьяна. — А почему ты спрашиваешь?

— А у бабушки кошка окотилась! — тут же, вытаращив глазёнки, принялась рассказывать Наташка. — Такие рыжие, а один белый! Бабушка сказала, что у соседей спросит, кому нужны, и если нужны, то оставит какого-нибудь, а других порешит! Хоть бы она оставила беленького, он такой беленький, и только пятнышко рыжее на лбу! — захлопала в ладоши Наташка, а потом остановилась и, поглядев на маму, спросила: — А что такое «порешит»?

— Хм-м... — погрустнела Татьяна и, не зная, что сказать, ответила: — Рано тебе про это знать...

— Мама, а почему котят разноцветные рождаются? — переключилась Наташка.

— Ну как почему?! Один котёнок похож на маму, другой котёнок — на папу...

— А третий? — озадачилась Наташка.

— Третий? Третий — на дедушку! — нашлась Татьяна.

— Четвёртый — на бабушку, пятый — на дядю... — печатая шаги, считала Наташка, но, пройдя немного, остановилась и задумалась. — Мама, а что такое «подкидыш»?

— Подкидыш — это... — начала было объяснять Татьяна, но озадачилась. — А почему ты спрашиваешь?

— Бабка говорила, что Васька — подкидыш, потом спросила, не лупит ли он меня...

— Ясно! — сощурилась Татьяна. — Что ещё спрашивала бабка?

— А не помню! Она говорила, что если Васька меня бить будет, чтоб я сразу ей говорила, а то ты теперь нового сына заимела и про меня забыла, — Наташка вытаращила глазёнки и снова спросила: — А ты меня точно любишь?

— Да что ты будешь делать! — воскликнула Татьяна и обняла дочку. — Как же я тебя могу не любить?! Ведь ты моя доченька!!! Все мамы любят своих детей!

— А Васька? Его мама любит?

Татьяна помолчала.

— Так бывает, Наташа, что у детей нет рядом родной мамы или папы... — объясняла она тихо. — Вот у тебя нет родного папы, а дядя Серёжа тебе стал приёмным папой, ну, то есть он заменил тебе папу... А у Васьки, наоборот, папа его родной — дядя Серёжа, а мамы у него нет...

— А ты ему теперь приёмная мама?

— Ну да, «приёмная»... — улыбнулась Татьяна.

— А бабушка сказала, что Васькина мать забудыга и Васька плохой мальчик...

— Так! — резко оборвала Татьяна. — Бабушке твоей я устрою головоломку за такие слова! И тебе, если ты будешь это повторять! Разве Вася плохой? Разве он сделал что-то плохое?

Наташка отрицательно покачала головой.

— То-то же!

— Мама, а что такое «забудыга»?

Татьяна строго кашлянула:

— И слов бабушкиных не повторяй! Это плохие слова — ругательные! А будешь повторять — я тебя накажу, — и погрозила пальцем.

— Не буду... — понурилась Наташка.

— Вот и хорошо! Ты у меня девочка взрослая, пять уже...

— Вася, а в школе трудно учиться? — спросила Наташка, присаживаясь на тахту.

Васька читал учебник истории.

— Ещё как... — вздохнул он глубоко, не отрываясь от книги.

— А чего самое трудное-претрудное? А?! — Наташка заглянула ему в лицо.

— Да всё! — вздохнул Васька и отложил учебник в сторону. — Вот задачи эти по математике, например: мало того что прочитать надо, потом ещё краткую запись составить, а потом ещё чего-то делить-умножать, записывать! А русский язык...

— А что такое «делить-умножать»? — заинтересовалась Наташка.

— Это такие действия.

— А что такое «действия»? — ещё больше озадачилась Наташка.

— Ну... как бы тебе объяснить?... — Васька задумался. — Вот у тебя яблочко сто штук!

— Ого себе! — воскликнула Наташка. — Целый дом из яблок!

— Но! — хихикнул Васька над фантазией приённой сестры и продолжил: — Вот яблок сто штук, а тебе их надо поделить между...

— А! Поняла! — перебила Наташка. — Поделить на маму, папу, мне и тебе...

— Ну да! Вот по сколько на всех получилось?

Наташка пожала плечами.

— Нас четыре! Правильно? — кивнул Васька, подскочил к учебному столу, схватил лист и ручку и начал писать. — Вот теперь берём сто и делим на четыре... — он записал выражение и приступил к решению, бормоча под нос: — Десять на четыре, берём по два — это восемь, отнимаем — это два, ноль сносим — это двадцать, берём по пять... Двадцать пять яблок!

Наташка стояла рядом и тарачила глаза на Васькины записи, а когда он выкрикнул ответ, она радостно воскликнула:

— Ну, Васька, ты умник какой! — и захлопала в ладошки.

— Да подумаешь! — довольно улыбнулся Васька и потом грустно добавил: — Это простой пример, а сейчас у меня только трудные примеры!

— Ничего себе! — изумилась Наташка, она села на тахту и задумалась вслух: — Ой-ё-ёшки, а как жить я в школу-то пойду?... Я ведь ничего в этих «делениях» не знаю...

Но Васька сел рядом и успокоил:

— Не бойся, научишься, девочки всегда хорошо учатся, а ещё я же много пропустил, вот и догонять приходится...

— А! — кивнула Наташка, но снова засомневалась. — Ну а если я чего-нибудь не пойму или забуду?

— Ну... — Васька поворачивал глазами. — Ну, если что, я тебе помогу, я же уже в пятом классе, а когда ты в школу пойдёшь, я уже в шестом буду!

— Точно! — обрадовалась Наташка.

Васька взял учебник истории, Наташка смотрела на него безотрывно, он уткнулся в книгу, но через минуту поднял взгляд на Наташку:

— А чего мультики не идёшь смотреть?

Наташка поморщилась:

— Надоели эти мультики...

— А! — подмигнул Васька, и снова посмотрел в книгу.

Наташка продолжала за ним наблюдать.

Васька поинтересовался:

— А ты хоть читать-то умеешь?

Наташка оживилась:

— Немножко... только у меня по складам плохо получается...

— Не «по складам», а «по слогам» надо говорить, — поправил Васька. — Ну давай посмотрим как ты читать умеешь! — и Васька положил книгу перед Наташкой. — Вот, читай тут!

— Это мы в школу играть начали? — обрадовалась Наташка.

— Ну... типа... да! — согласился Васька.

— Ура! — шепнула Наташка и принялась читать: — С-п-а-спар-т-ан-цы б-ы-бы-л-и-ли о-т-л-отли-ч-н-ыны-м-и-ми... Вася-учитель, а кто такие спартанцы?

— Спартанцы — это такие люди из Древней Греции, — строго ответил Вася. — Не отвлекайся, читай дальше.

— В-о-во-и-н... А что такое Древняя Греция?

— Греция — эта такая страна, она и сейчас есть, а когда-то была очень древней, вот и называлась Древняя Греция...

— А, понятно! — расцвела Наташка. — В древние времена древние люди жили в Древней Греции! А интересно, а какие времена были древними?!

— Это известное дело! — многозначительно поглядел Вася. — Это до нашей эры!

— Ого!! — восхитилась Наташка. — «До нашей эры!» — и снова спросила: — А это как?

Васька потупился, он немного помолчал и ответил:

— Это сто миллионов лет назад!

— Ничего себе! Целый дом из лет!!! — Наташка вытаращила глаза и развела руки в стороны, отчего Васька весело засмеялся.

Тут в комнату заглянула Татьяна:

— Что делаете?

— Мама! — подпрыгнула Наташка. — Васька мне про деление рассказал, а ещё!.. А ещё в Древней Греции сто миллионов лет назад, до нашей эры, жили спартанцы... это я сама прочитала...

— Ну, молодец, что прочитала, только наверняка ты Васе мешаешь уроки делать... — Татьяна вопросительно поглядела на Васю, но мальчик отрицательно покачал головой.

— Мама! Ну ты представляешь, это сколько много лет?! Сто миллионов! Это же как до неба!

Татьяна засмеялась, она вошла в комнату и присела на стул рядом с детьми.

— До нашей эры — это не сто миллионов лет, а две с небольшим тысячи лет. Вот какой сейчас год?

— Две тысячи восемнадцатый, — ответил Вася.

— Вот! Значит, наша эра длится две тысячи восемнадцать лет, а до нашей эры — это события раньше... Вот смотрите сюда...

Татьяна взяла лист и нарисовала на нём линию, посередине поставила точку и написала над ней ноль. Дети с любопытством уставились.

— Вот эта линия — время, годы, вот в эту сторону мы летим в будущее, а в эту сторону — в прошлое.

— А! — воскликнула Наташка. — Это как на машине времени!

Васька и мама кивнули, и мама продолжила:

— Вот тут у нас две тысячи восемнадцатый год, а потом пойдёт дальше две тысячи девятнадцатый, две тысячи двадцатый... А если мы будем передвигаться от ноля в прошлое, мы и окажемся до нашей эры... Понятно?

Васька улыбнулся.

— А теперь какие там у тебя, Вася, в учебнике годы указаны?

Васька схватил учебник, но тут же понурился:

— А тут какие-то крестики и палочки... я их не понимаю...

Татьяна засмеялась:

— Давайте ваши палочки разбирать!

И она принялась объяснять несмышлёнышам написание римских цифр.

Татьяна раскатывала пласт теста, то и дело поглядывая на часы. Вымазанная в муке Наташка мешала начинку для ягодного пирога.

— Наташа, не облизывай ложку! — нервничала Татьяна.

— Пятый раз повторяю: не умножить, а разделить! — из комнаты раздался гневный крик Сергея.

Наташка от неожиданности выронила ложку, Татьяна вздрогнула, бросила скалку и в три прыжка оказалась в комнате. Васька хлюпал носом, Сергей тряс тетрадь:

— Ты что, вконец тупой, что ли?!!

— Умолкни! — гневно потребовала Татьяна.

Сергей остолбенел, ему никогда не приходилось видеть свою жену в ярости. Татьяна стиснула губы, сжала кулаки и прожигала его взглядом насквозь:

— Положь тетрадь и выйди! — прошипела она.

Сергей покорно положил тетрадь и направился к выходу. Татьяна даже не посмотрела в его сторону, она, как кошка, тихо и плавно ступая, приблизилась к Ваське.

— Вася... — позвала она охрипшим голосом.

Васька поднял слезящиеся глаза.

— Вася, — повторила она уверенно, — сейчас оставь эту математику, и пошли на кухню, мне нужна твоя помощь...

Васька вопросительно хлопал глазами.

— Нужна твоя помощь, там Наташка, всю начинку съела, ещё и вымазалась! Давай математику позже сделаем, а пока ты поможешь мне с пирогами и за Наташкой последуешь, чтоб не пакостила! — и она подмигнула заговорщицки.

Из окна доносился аромат свежей выпечки. Сергей порядком замёрз и проголодался, но не спешил домой. Ковыряясь в матере, он злился на своего неумного сына и на Татьяну, позволившую себе поднять голос на мужа.

— И пирог этот есть не буду! — цедил он сквозь зубы. — И вообще!!!

Что такое «вообще», он не понимал и даже не старался задуматься.

— И что?! Долго ты в гараже прятаться будешь? — окликнула Татьяна.

— Сколько надо! — не оборачиваясь, проскрежетал Сергей.

— Ясно... — усмехнулась Татьяна и вошла в гараж. — Ты мне, Серёжа, скажи только: это твой сын или подкидыш?!

Сергей вытаращился на жену.

— Чего смотришь?! Удивлён вопросу? — её тон был ровным, спокойным, но требовательным, как у школьного учителя или сотрудника прокуратуры. — А вот меня удивляет, не сказать хуже — возмущает, твоё поведение. Ты поставил меня перед фактом, что сына заберёшь, затем привёз его: мол, привыкайте, — а сам что? Это он, я, Наташка должны привыкать, учиться жить вместе, а ты будешь жить как жил? Тебя это не касается?

Сергей побагровел.

— Ты за эти полтора месяца впервые сел с ним уроки делать, и то не по собственному желанию, а я настояла, дурная баба... стряпать пирог мне приспичило! И что вышло от твоего участия?! Крик! Слезы! Скандал!

— А что я такого сделал?.. — начал оправдываться Сергей. — Он ничего не понимает...

Татьяна его оборвала:

— Что ты сделал?! Ты ещё хуже сделал! Он ничего не понимает, видите ли... А с чего он понимать будет? Как он жил?! Что он видел?! Что у него в душе?! Ты хоть на минуту можешь встать на его место? Ты ж отец!!! — на её глазах выступили слёзы.

— Тань... — виновато протянул Сергей.

— И не дави на жалость, Серёжа! — холодно продолжила Татьяна. — Он мне не сын, я его любить не обязана, в отличие от тебя. Но я мать, и сердце у меня не камень, и когда я гляжу на твоего сына Ваську, оно у меня кровью обливается. Сдалось сто лет это деление и умножение, когда человек погибает... Погибает как есть... — её голос задрожал, и она заплакала.

Сергей подскочил к жене и, обняв её, тихо заговорил:

— Таня, я ж понимаю всё... Понимаю, но что я могу поделать? Он как ёж колючий, смотрит и молчит да глазами хлопает... Как на врага смотрит, понимаешь? Я уже и не знаю, поменяется ли он когда-нибудь, или так и будем мы как чужие друг другу.

С минуту они молчали, обнявшись, а после Татьяна уверенно сказала:

— Поменяется! Рано или поздно иголки отвалится, только потерпеть надо. Давай так: больше ты никакими уроками с ним заниматься не будешь. Это как уколы матери детям делать не должны, так и здесь: уж лучше я, чужая тётка, та самая мачеха, буду его уроками мучать. А ты через интересные дела тропинку прокладывай. Вот чего ты его с собой в гараж не берёшь, или в лес за дровами, ну или ещё куда? Ведь тут двух зайцев

убить можно: ты и к труду его приучать будешь, а ему с его знаниями в будущем только рабочую специальность осилить получится, а к тому же через общее дело он и к тебе приблизится. Вот они сейчас с Наташкой смешные истории сочиняли, пока пироги стряпали! И знаешь, так он легко говорил, так мы все смеялись! А с Наташкой посмотри как они спелись, на пару пакостят и не сдают друг друга. Вчера, например, полотенце в зелёнке испоганили — видите ли, проводили эксперимент над моющими средствами! Смешали «Фейри», соду, соль, стиральный порошок... и угробили новое полотенце!!! — Татьяна засмеялась.

— Ну что, пирог есть пойдём?! — улыбнулся Сергей.

Очень трудно Ваське напрямую обращаться к маме Тане, сказать ей «мама» — невозможно, у него есть МАМА, а в адрес этой хоть и доброй, но чужой тёти слово «мама» никак не выдавливалось. Всякий раз он изобретал фразы, чтоб обойти это навязанное отцом обращение.

— Вася, — как-то раз напрямую спросила Татьяна, — ты не знаешь, как ко мне обращаться?

Васька залился румянцем.

— Ну не молчи, я же вижу и чувствую, что ты не можешь сказать мне «мама», или «тётя», или «эй ты!» — она засмеялась.

Васька хихикнул.

— Вот! И мне тоже смешно от этого. Мы уже два с лишним месяца живём вместе, а ты всё «акаешь» да «выкаешь»... Давай так: зови меня Таня, или тётя Таня, как больше удобнее будет, ну и не «выкай», пожалуйста, а то я себя учителем чувствую... Хорошо?

— Хорошо, тётя Таня, — улыбнулся Васька. — А вы... то есть ты... что сейчас делать будете... ну, то есть будешь?..

— Я буду ужин готовить, а вы на горку с Наташкой сходите.

Приближался Новый год, Сергей вот-вот должен был вернуться из зимовья, но ждать его Татьяна не могла, ведь по зимней дороге в деревню привезли свежие продукты, и промедление могло обернуться отсутствием вкусняшек на праздничном столе. Сразу после работы Татьяна забежала в центральный магазин, набрала полные сумки товаров и едва донесла приобретения домой. Всю дорогу в сумочке звонил телефон, и, наспех выгрузив покупки в холодильник, Татьяна в него заглянула. Пять вызовов с одного неизвестного номера: «Это кому я понадобилась?.. — подумала Татьяна. — Зачем звонить пять раз подряд?!» Немного погодя она перезвонила.

— Алло! — послышался взволнованный женский голос.

— Слушаю, — ответила Татьяна. — Вы мне звонили?

— Да-да! — сквозь помехи торопился голос. — Я Наташа, мама Васеньки... Вы Таня?... Таня! Пожалуйста, только не кладите трубку.

У Татьяны внутри похолодело.

— Я ваш номер узнала, чтоб спросить про Ваську моего... Вы уж скажите, как он?

«Как он!» — хмыкнула про себя Татьяна, а вслух спокойно ответила:

— Всё с ним хорошо, здоров, в школу ходит, привыкает.

— Ой, спасибо вам! — дрогнуло с той стороны, послышались всхлипы и частое дыхание. — Я же не пью, работу нашла, уже месяц работаю, даже вот телефон купила... Виновата я, виновата... — женщина плакала.

Татьяна ждалась, ком застыл в её горле, не пуская слова наружу.

— Алло, алло! — испугалась женщина. — Вы тут? А?!

— Тут... — выдохнула Татьяна.

— Я ходила на неделе в органы, мне сказали, что лишили меня Васьки... лишили навсегда... Пусть и правы они... И вам с Серёжей пусть Бог здоровья даст, что в детском доме его не оставили... Но можно мне с ним хоть по телефону иногда говорить? Пожалуйста! Можно?!!

— Можно... — не задумываясь, ответила Татьяна и сразу же испугалась.

— Можно! Ой, спасибо вам! А можно сейчас?!

— Сейчас? — растерялась Татьяна. — А сейчас его рядом нет, я ещё на работе... — соврала она.

— Жалко... — поник голос, но тут же в нём вспыхнула надежда. — А когда позвонить? Попозже? Да? Во сколько? Я могу хоть когда! Когда скажете!

— Давайте так, Наталья, — собралась Татьяна. — Я подготовлю Васю, мало ли что и как он отреагирует, и позвоню вам предварительно, и мы договоримся о дне и времени.

— Как же так?! — отозвалась женщина обиженно. — Неужто он совсем меня забыл, что всё так официально?..

— А что вы хотели?! — вспыхнула Татьяна. — Вы его кинули, в приюте не появлялись, а он рядом с вами полгода жил как круглый сирота! Отец его привёз — он как зверёк загнанный, только-только начал оживать, а тут... Вам, видите ли, наконец-то поговорить с ним захотелось!

— Ой, ругай меня, ругай! Бей! Колоти! Кричи! — вопила женщина. — Всё права! Всё поделом! Только не убивай отказом... — и она снова жалобно всхлинула.

— Не плачьте... раньше надо было... — грустно отозвалась Татьяна. — Я уже сказала, я позвоню вам предварительно, и мы договоримся о дне и времени, чтоб ребёнку после хуже не было, — и, не дожидаясь ответа, положила трубку.

Тревожный вечер, полный мыслей и страхов, перевалил за полночь. Татьяна вошла в детскую.

Наташка, распластавшись во все стороны, сопела на втором ярусе детского спального гарнитура. Татьяна аккуратно положила на кровать свисающие вниз ногу и руку и укрыла дочь одеялом. Васька спал, скрутившись калачиком, лишь острая мордашка высовывалась из-под одеяла. Татьяна застыла в шаге от тахты и грустно наблюдала, как пухлое одеяло медленно и ровно движется, как мирно и спокойно он дышит... «Эх, Васька, Васька, бедолага ты горемычный! Как трудно тебе... Какая долюшка тебе выпала... Сирота при живых родителях... Матери нет, как говорится, круглый сирота!»

Со двора послышался гул «Бурана». «Слава Богу!» — обрадовалась Татьяна и поспешила на кухню.

На кухне пахло свежей хвоей, огромная пушистая ёлка, обёрнутая в кусок дели, оттаивала от снежной пороши. Сергей громко швыркал горячим чаем, уплетая творожные шанежки. Наталья выжидала.

— Ну а вы тут как? — наконец, завершив свой рассказ о поездке, спросил Сергей.

Сначала Татьяна коротко поведала об основных событиях и покупках, а после подошла к самому главному.

— Да! — сказала она вроде невзначай. — Сегодня Наталья звонила...

— Какая Наталья? — поперхнулся Сергей.

— Какая, какая! Наталья — мать Васьки, жена твоя первая...

— И?! — напрягся Сергей.

— Ну вот, звонила, сказала, что пить бросила, даже работу нашла...

— Надолго ли?! — недовольно бросил Сергей. — А телефон у неё твой откуда?

— Серёж, какая разница — откуда?! — взвилась Татьяна. — Ты дослушай, а потом комментировать и вопросы задавать будешь...

— Ну! — нахмурился Сергей.

— Не дуйся ты, ради Бога! — улыбнулась добродушно Татьяна. — В общем, просит она с Васькой поговорить...

— Никаких! — отрезал Сергей.

— Серёж... — протянула Татьяна. — Я ей уже сказала, что можно...

— И что?! А я сказал — никаких разговоров!!! — он резко встал из-за стола и, присев у печки, закурил.

Татьяна молчала.

— Ишь она! — выпуская сизый дым, размышлял вслух Сергей. — Поговорить ей захотелось! Не наговорила за прежние годы? Ах, ей же не до того было! Угробила ребёнка, бросила ради пьянки, а теперь ей поговорить?! А ты, Таня, подумай, если б сюда из соцзащиты не позвонили, ведь дело случая... Мать её давно померла с горя, со мной она и знаясь не хотела, алименты шли,

и ладно... Сколько я пытался её найти, чтоб парня увидеть?! Без толку, хоть бы раз написала, хоть бы раз фотю отправила! Вот сама посуди, ведь если б не эта женщина сердобольная, которая запросы рассылать принялась настойчиво и нашла меня, то жил бы Васька в детдоме или в семье какой... при живых-то матери и отце! Как подумаю об этом, так с души воротит...

— Серёжа... — с мольбой позвала Татьяна.

— Нет! Я сказал — нет, значит — никаких!!! — и Сергей раздавил сигарету.

Сергей лежал на кровати, заложив руки под голову, и молча глядел в потолок. Татьяна щекой прижалась к его груди и мурлыкала незатейливую мелодию.

— Что ты поёшь? — тихо спросил Сергей и коснулся её волос рукой.

— Пою? — ответила Татьяна. — Я пою песенку твоего сердца.

— Интересно... — шепнул Сергей. — Моё сердце поёт?

— Иногда, — Татьяна села и, обхватив руку Сергея, начала: — Знаешь... В детстве мне часто казалось, что моя мать — не мать вовсе, а мачеха; думалось мне, что взяли меня из детского дома или нашли где-то... Злилась я на неё, на её несправедливость и жестокость... Иногда представляла, как помру я однажды, как будут меня хоронить, а мать моя громче всех плакать будет, плакать и прощения просить... Вот тогда бы я встала, думала я маленькая, встала и сказала: «Так тебе и надо!» Повзрослев, я уже понимала, что никакая я не приёмная, что мать и отец у меня родные, просто жизнь меж ними не сложилась, живут они — мучаются без любви и счастья, а ради нас живут, будто наказание своё родительство выносят. Но, как и в детстве, в самые трудные минуты грезилось мне то же самое: умираю я, снова все плачут, громче всех, как положено мамка моя ревёт, ну и тут я подымаюсь... Подымаюсь и говорю: «Ну что, и как вам без меня?» А она будто подбегает ко мне: мол, прости меня за всё и только не умирай! А я... — Татьяна глубоко вздохнула. — Я её прощаю... И видится мне, как мы дальше с чистым сердцем живём, без боли, обиды...

Сергей нахмурился, лёг на бок и пристально посмотрел на жену.

— Понимаешь, Серёжа, всё в жизни странно... Вот хоть бы меня возьми: сложно мне было с матерью и будет дальше, злая она, взрывная, неумная, ругаюсь с ней, обижаюсь и порой... даже не знаю, чем бы её треснула за слова ядовитые... Но, как ни крути, мать она мне, мать! Понимаешь?! Поставь сто самых лучших, добрых, умных, богатых и Бог его знает каких... других родителей и скажи мне: «Вот, выбирай, Танька, выбирай и в детство возвращайся, и будет всё иначе, будешь ты жить и в любви, и в счастье!» Но не выберу я никого,

кроме своих. Вот оно как! И Васька твой не выберет никого...

Сергей глубоко вздохнул, приготовившись к монологу, но Татьяна его остановила:

— Нельзя, Серёжа, эту нить рвать... никак нельзя... Может, и для Наташки это шанс один на сто миллионов, надежда на прощение, понимаешь?! А самое главное — для Васьки... — она с надеждою уставилась на мужа.

— Тая, — сказал Сергей, — она ж его бросила, на водку променяла, он бы...

— Да знаю я это! — вздохнула Татьяна. — И понимаю, что дальше неизвестно как она будет... Но разве о ней речь? Тут Васька! Мы его предавать не должны. Он ведь думает о ней, каждый день думает, думает, боится за неё... А мы стеной встанем? Вспомни себя, когда ты ничего не знал, у тебя не было шансов помочь, принять участие, спасти. Теперь наоборот, теперь ты со своим «никаких»! Это месь?! Подумай. Может быть, ты просто пытаешься ответить Наташке тем же?

— Ерунда! — протестовал Сергей.

— А если ерунда, то почему? Почему не позволить? Ну, будет она ему звонить иногда, будет он слышать её голос, будет знать, что мама помнит, любит, — разве будет ему от этого плохо, разве будет он от этого чужим тебе? Ведь у ребёнка должны быть родители! Ты — отец, она — мать!

— А ты не думаешь, что она раз позвонит и канет, как не бывало? А?! Тебе это в голову не приходило? — Сергей сел и пристально посмотрел в слезящиеся глаза жены.

— И об этом думала, — спокойно ответила она. — И боюсь такого поворота... Но ещё больше мне страшно, что скроем мы всё, её отшвырнём: мол, не тревожь ребёнка, — и совершим этим большее зло... Знаешь, чувствую я сердцем, что надо... Надо, Серёжа, надо!

— Хорошо, — выдохнул Сергей обречённо. — Поступай как знаешь... Только потом не пожалей...

— Всё хорошо будет, Серёжа, всё хорошо...

Вот уже тридцать минут Татьяна не находила себе места, она металась по кухне от окна к столу, от стола к плите, от плиты к шкафу. Наблюдавшая за ней Наташка удивлялась:

— Мама, а почему ты опять стол протираешь? А подоконник ты тоже уже тёрла...

Но мама ничего не отвечала.

— Мама, а можно я за Васькой пойду? Нам же надо ёлку уже наряжать...

— Нет! — воскликнула мама и тут же ласково прошептала: — Нельзя пока к Васе ходить, он по телефону разговаривает.

— А почему нельзя? — недоумевала Наташка.

— Потому, Наташенька, что это очень важный для него разговор, и ему нельзя мешать...

— А я не буду мешать, я тихо посижу... — угваривала Наташенька.

— Нет, нельзя! — и Татьяна приложила палец к губам.

— А! Это секретный разговор?! — прищурившись, прошептала Наташка.

— Очень секретный... — Татьяна села рядом. — Иногда, Наташка, даже взглядом можно помешать... Понимаешь?

— Ага... — кивнула Наташка, и они умолкли.

Из детской не было слышно и звука.

— Тихо, — прислушавшись, отметила Татьяна.

— Очень, — подтвердила Наташка.

— Ох! — глубоко вздохнула Татьяна.

— Ох-хо-х-хох... — изобразила страдающую мину Наташка.

— Ладно! — Татьяна встала и направилась к дверному проёму в коридор.

— А мне можно? — спросила умоляюще Наташка.

— Нет, — ответила Татьяна и добавила: — Ты иди в гостиную и аккуратно вынимай игрушки из коробки и раскладывай на ковре в группы по цветам.

— Это как? Синие к синим, красные к красным?!

— Верно! — улыбнулась мама и добавила строго: — Только аккуратно, желательно, чтоб все игрушки остались целыми.

— Хорошо! — воскликнула Наташка и поспешила к ёлке. — Жёлтых к жёлтым, белых к белым... — весело напевала она.

Пройдя по узкому коридору и остановившись у двери, Татьяна прислушалась: в комнате тихо, лишь едва различимо доносилось какое-то мычание. Татьяна отворила дверь. Васька сидел на тахте, обхватив руками ноги и уложив голову вниз лицом на колени; он слегка подрагивал. «М-м-м...» — скулил он тихо. Телефон лежал на столе. Сколько минут он говорил с матерью, а сколько времени он плакал, Татьяна не знала. Васька не слышал, как она вошла, и Татьяна, стоя в паре метров от него, боялась пошевелиться, она не знала, что делать, как поступить правильно, и впервые она отказалась думать об этом. Она сделала уверенный шаг, за ним второй и коснулась Васькиной головы своей пылающей ладонью.

— Вася, — сказала она с дрожью в голосе; мальчишка не поднял головы. — Вася...

Она села рядом и, обхватив его руками, прижала к себе так крепко, как только могла. Васька не вырывался, он как-то сразу обмяк, его зажатая боль обрела голос, красивый цветастый халат впитывал горькие слёзы.

— Плачь, не бойся... — говорила Татьяна тихо. — Это всё неправда, что мальчишки не плачут... Все плачут, малыш, плачут, когда больно, а иногда от радости... — она гладила Ваську по спине и приговаривала: — Всё будет хорошо и у тебя, и у мамы, всё будет хорошо, Вася, всё наладится... Я точно знаю, что так будет... А мама будет

звонить, обязательно будет, и ты ей звонить будешь... А летом будем в отпуск ездить, и мама с тобой увидится... И вы с ней вместе в кино пойдёте или в парк на карусели...

Васька стих.

— А ты карусели любишь? Или цирк? Любишь?

Васька отстранился от Татьяны и, громко всхлипнув, ответил:

— Карусели люблю... а в цирке я не был никогда...

— Вот видишь! — улыбнулась Татьяна. — Значит, поедem и в цирк пойдём!

— А мама? — трясущимися губами прошептал Васька.

— И мама с нами пойдёт в цирк! Обязательно пойдёт!

Васька широко улыбнулся:

— А она пить бросила, совсем-пресовсем! — и он утёр маленькими ладошками мокрые скулы.

— Вот видишь, как хорошо, а ты слёзы льёшь, а надо радоваться! — и Татьяна коснулась указательным пальцем его носика.

Васька улыбнулся и виновато посмотрел на Татьяну:

— Тётя Таня, вы хорошая, я знаю. Только вы не обижайтесь... Ну, что вы мне не мама...

Татьяна смотрела в честные Васькины глаза, в его распахнутую израненную душу.

— Знаю, Вася. Да, я никогда не заменю тебе маму. Но позволь мне стать тебе настоящим другом!

Зимний вечер над деревней, трескучий мороз грозит хрустальным посохом одинокому прохожему и щиплет любопытный нос, походя подглядывающий за чужим счастьем. В огромном окне за прозрачным тюлем суетятся четверо у ёлки — семья готовится к торжеству!

...И всё-таки как мне свободно дышится, когда в окнах так много света...